

Философия культуры Мориса Бланшо

И.С. Короткое

*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет философии и политологии
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5*

Морис Бланшо известный культурный и литературный критик значительно повлиял на французских философов, среди которых Жорж Батай, Жак Деррида, Эммануэль Левинас. В данной работе очерчены некоторые черты философии культуры Мориса Бланшо. В основе этого исследования находится онтологическое понятие «Внешнее», которое формирует отношение к произведению искусства, автору и сообществу.

Допустим, что если придерживаться той точки зрения, при которой отношение философии к культуре может основываться лишь на рассмотрении фундаментальных вопросов философии гносеологического, аксиологического и онтологического характера, то эти вопросы, покрывающие все поле смыслополагания, с необычайной легкостью ассимилируют поле, определяемое культурой. Например, такие философские понятия как пространство или время заключают постигающего мир культуры в стены лабиринта, где задача состоит в том, чтобы вместо лабиринта стало поле. Поле до горизонта или до горизонтального забора. Культура — это все, и потому — почти ничего; она легко падает в руки философии. Бытие, негативность, развитие, человеческая сущность вбирают в себя культуру как губка. Будут ли остатки? Это зависит от рук, которые держат эту губку. Можно многое вобрать в слово «Дух». Насколько смог набрать, настолько и наполнил. Если не наполнено изначально и другим.

Допустим, понятие времени определяет отношение к культуре как истории в виде традиции поступательного развития и финализма или в воплощении колеса возвращения из вечности в вечность. Таким образом, в типологии культуры, берущей за основу аспект времени, можно предположить два подхода к культуре: всегда возрождающиеся или всегда умирающие культуры и культура конца. В истории культурологии эти два типа, сосуществующие и взаимодополняющие, обусловлены также и способом распределения знания во времени. Либо знание кумулятивно накапливается, обозначая прогресс бесконечный или конечный, либо знание изначально доступно и может быть утеряно с течением времени.

Благодаря человеческому усилию, время, так или иначе, наполняется знанием или тем, что к нему прилагается; так формируется культурное поле, включающее в себя духовную и материальную составляющие. Принципиально письмо (запись) фиксирует духовную составляющую в знаке записанного слова. Если «язык есть дом бытия»¹, то письмо помогает в этот дом войти, войти не только говорящему здесь и теперь, но и тому, кто будет там в будущем. Слово, сказанное, слишком отчетливо стремится окупиться в забвение, в то время как слово, записанное вслед за сказанным, подчинено инстинкту самосохранения. Однако это сохранение содержит само по себе смысл, интерпретируемый на протяжении развития философской мысли в трех вариантах: слово как

¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления. М: Республика, 1993. С. 192.

отражение вешней реальности, слово, отсылающее к идее, благодаря которой мы проникаем в мир интеллигибельный или в мир рационально схематизированный, и слово, само по себе разворачивающееся независимо от какой либо истины, идеи и человека¹.

Обращение к творческому наследию Мориса Бланшо осложняется обилием имен, принадлежащих скорее литературе, чем философии. Стефан Малларме, Марсель Пруст, Франц Кафка, Фридрих Гёльдерлин и другие авторы, испытующие границы жанров, служат питательной средой для многочисленных эссе, появляющихся с начала 30-х до середины 70-х годов прошлого века в различных периодических изданиях. Сборники этих эссе выходят под названиями, собирающими в ускользающий итог разнородное единство мысли, например, «Ложный шаг» (Faux Pas, 1943), «Пространство литературы» (L'Espace littéraire, 1955), «Бесконечная беседа» (L'Entretien infini, 1969), «Дружба» (L'Amitié, 1971). Имена и названия — лишь поверхность, под которой скрывается бесконечная работа над теми вопросами, которые носят философский характер. Некоторые эссе посвящены непосредственно философским персоналиям, например, Сёрену Кьеркегору, Анри Бергсону, Фридриху Ницше, Жоржу Батаю. Другими важнейшими моментами для размышления служат, с одной стороны, греческий миф об Орфее, а с другой — Холокост, образно описываемый в книге Робера Антельма «Человеческая Раса» (L'Espèce humaine, 1947). Одновременно появляются романы и рассказы, которые относят к беллетристике. Вопрос религии затрагивается Бланшо не только через рассмотрение мистического крыла христианства (Майстер Экхарт), но и через рассмотрение иудаизма, при том, что сам Бланшо вполне антирелигиозен, вплоть до атеизма. Атеизм Бланшо в большей степени выражается в неприятии христианских институциональных структур и различных форм теоретической догматики, в то время как ряд исследователей находит в его работах черты «религии без религии», religion sans religion.

Таков краткий обзор, который позволяет нам приблизиться к Бланшо не как к автору темных текстов, недоступных пониманию, но как к мыслителю, раскрывающему перед нами собственный мыслительный горизонт. Предполагая изначальный отстраненный радикализм интеллектуала, мы в большей степени способны приобщиться к этому горизонту, сообщаемому нам о культуре нечто новое. Исследовательский интерес к М. Бланшо, ускоряющий свой шаг по мере выявления всей значимости его мысли, в настоящий момент предметно выделил определяющие характеристики, соответствующие основным философским сферам познания (отчасти приближенно, но в любом случае продуктивно).

Центральное место в онтологии Бланшо занимает «нейтральное» (neutre) или «Внешнее» (le dehors), что, в общем, обозначает: «не-место невозможного»². Сразу после выхода французского перевода работы «Бытие и Время» Бланшо погружается в текст, влияние которого на него очевидно. Мартин Хайдеггер указывает на то, что смерть — это возможность невозможного, но подход Бланшо несколько иной. Бессмертие души, которая концентрируется вокруг персонального Я, можно понять и в том

¹ 1 См.: Blanchot M. Studies on Language. Faux Pas. Stanford: Stanford University Press, 2001.

² The Power of Contestation. Perspectives on Maurice Blanchot. Introd. by K. Hart and G.H. Hartman. Ms. K. Hart and G.H. Hartman. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2004. P. 4. И далее авторы пишут относительно произведения искусства: «Это не другой мир, который, так как был создан романистом или поэтом, заручается великолепием или нищетой человеческой свободы, это не-место, которое пленяет художника в акте творения, леденит его или ее своим темным взглядом и приводит его или ее к точке отказа от этого деяния».

смысле, что *Я* никогда не умирает, а умирает кто-то другой или нечто другое. *Я* не способен ухватить смерть, поэтому смерть — это действительно невозможное, но невозможное, которое таковым и останется. От смерти личностному *Я* остается лишь умирание, как процесс приближения к порогу принципиальной недосыгаемости, когда пытаешься еще сохранить свое *Я*.

Онтология Бланшо — это не академическая разработка основных философских вопросов. Автор принципиально и старательно избегает методологически разработанного философского языка, однако вопрос «из чего все?» или, иначе, «каково это все?» всплывает из океанических наслоений его прозы. Бланшо предлагает нам представить вселенную, где нет единства, вселенную разобщенную, непредставимую формально или визуально, тотально недосыгаемую, но требующую постоянного, бесконечного вмешательства, радикального вопрошания: «Избежать слов из-за их чрезмерного теоретического груза: "означающий", "символический", "текст", "текстовый" и, затем, "бытие", а под конец все слова; но этого недостаточно, так как слова не могут быть образованы как тотальность, бесконечность, которая пересекает их, никогда не может быть схвачена действием вычитания, она несводима редукцией»¹.

Блаженство, достигнутое человеческим логосом в этом же самом логосе, воплощенном в языке, вписанном в правила письменного языка, начинается с книги книг: «Книга начинается с Библии, где логос вписан как закон. Здесь книга достигает своего непревзойденного значения, включая то, что превосходит ее границы по всем направлениям и что не может стать прошлым. <...> Книги, которые следуют за Библией, всегда современны ей: Библия несомненно разрастается, увеличивается сама по себе через бесконечный рост, который сохраняет ее тождественность, вечно утвержденная отношением Единства, тогда как десять Заповедей выдвинуты вперед и содержат в себе "монологос", Одну Заповедь — закон единства, который не может быть нарушен и который одна негация сама по себе не может отрицать»². Библия как слово бога, охватывающее не только *здесь и теперь*, но и заранее объемлющее *все, что будет*, провозглашает тождество и единство как принципы, определяющие всю теологическую эпоху вплоть до конца ее дней. Слово бога никогда не станет прошлым, оно всегда современно или, как говорят, актуально содержит в себе прошедшее как настоящее, оживленное присутствием бога.

Негативность в любой ее форме не способна преодолеть провозглашенное единство, так как она всего лишь его неотъемлемая часть; негативность диалектически подчинена единству и наоборот. Борьба двух начал определяет ход мировой истории и развитие культур или культуры. Культура — это выражение подобной, по сути мнимой, борьбы, где исход безнаказанно и безнадежно предопределен. Внешнее (*Le Dehors*) способно подорвать единство, но оно не пытается это сделать в силу своей нейтральности. Внешнему все равно, без сожаления и понимания, без ответа. Письмо, как понимает его Бланшо, приоткрывает нам нечто иное, чем книга. Более того, логос, стремящийся к единству, теряет свои ориентиры, если автор признает потерю своего *Я*, своей самости в письме, которое равнодушно к результату, то есть к книге. Книга — не цель и не эссенция, а лишь сухой остаток, который требует продолжения. Императивная, не-

¹ Blanchot M. *The Writing of the Disaster*. Translated by Ann Smock. University of Nebraska Press. Lincoln and London, 1995. P. 87.

² Blanchot M. *Book to Come*. Transl. by Ch. Mandel. Slandford (California): Stanford University Press, 2003. P. 228.

преодолимая потребность дописывать текст снова и снова, смыкает тождественность книги в безбрежный шепот океана, волна за волной. Я поглощается нейтральностью, знание — это не-знание (*non-savoir*), возможное, если это удастся, подлежит забвению в невозможном. Подобное понимание письма изменяет картезианский постулат *cogito ergo sum* в *scribo ergo non sum*¹.

Знание, лишённое тотальности Единства, стремится стать незнанием. В романе «Темный Фома» звучит иная интерпретация *cogito*: «я мыслю, следовательно, меня нет»². Новоевропейская культура рационально и бесконечно развертываемого единства предполагает не только превосходство возможного, но в своей сердцевине содержит боль и отсутствие любой возможности. Философ современности — это не тот, кто любит мудрость или ищет чудо, а тот, кто испытывает боль. Логика фундаментально смещена уже М. Хайдеггером: «могущество рассудка надламывается в области вопросов о Ничто и о бытии... Сама идея "логики" расплывается в водовороте более изначального вопрошания»³ и «ужасом приоткрывается Ничто»⁴. Но незнание — это не негация, изначально заключенная в познании объекта и в самосознании субъекта, незнание — это мимолетный, мгновенно исчезающий опыт прикосновения к неизвестному (*l'inconnu*). Культура как совокупность наслаивающихся друг на друга клише болезненно апатична в силу недоступной человечеству мощи, до тех пор, пока она будет опираться на свою принципиальную человеческую характеристику — разумность. Безумие подсказывает направление освобождения — туда, где боль расплывается и спазматическим движением пытается охватить вселенную. Однако лишь письмо и/или мысль позволяют прикоснуться к не-месту Внешнего, царству невозможного, благодаря тому опыту, который Бланшо называет *опыт-предел*, а Батай — *внутренний опыт*.

Человеческая воля к власти переборола сама себя, открыв тщету собственного постоянного усилия, избежать которого невозможно. Коммуникация с Внешним — это лишь ответ, без присвоения имени, без именованя: «Именуя возможное, откликаюсь невозможному. Ответ не состоит в формулировке ответа, таким образом, чтобы успокоить вопрос, который смутно исходит из этой области. <...> Это существо поэзии, каждый раз это поэзия в себе формирует отклик и в этом отклике заботится о том, что к нам направляется из невозможного (тем самым себя отклоняя)... Поэзия не выражает таковое, не проговаривает это, не привлекает это под притяжение языка. Но откликается. Каждая возникающая речь начинается с отклика: отклика на то, что еще не слышимо, внимательный отклик, в котором нетерпение ждет неизвестного и вожденная надежда на присутствие утверждается»⁵. «Имена стран» Марселя Пруста принадлежит миру возможного, культурно выраженного в проекте модерна, принадлежность невозможного не определяется ни культурным ландшафтом, ни каким-либо из видов трансцендентного. Внешнее — это не-место, отчасти объясняющее происхождение места и лишь через и благодаря поэзии. Первый вздох открытости бытия поэтичен, как указывал Хайдеггер, но дрожь бытия бесчеловечна, даже если это дрожь человеческого тела или духа.

¹ 1 См.: Hart K. *The dark Gaze. Maurice Blanchot and the sacred*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2004. P. 120.

² Blanchot M. *Thomas l'Obscur. Première version*, 1941. P.: Gallimard, 2005. P. 304.

³ Хайдеггер М. Что такое метафизика. Время и бытие. С. 23.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Blanchot M. *The Infinite Conversation*. Transl. S. Hanson. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 1993. P. 48.

Романтическая или классическая самодостаточность автора теряют свое значение в случае «смерти автора» в виде принципиальной невозможности авторства самого по себе. Болезненность и творческое начало в блаженстве и забвении прибавляют слово к слову в неустранимом стремлении представить, но на самом деле лишь выразить невыразимое. Но в какой мере здесь кроется упадок и пессимизм? Здесь сразу же возникает иной вопрос: осталось ли место для пессимизма после Холокоста? Вытравленное, вычищенное человеческое сообщество в середине XX века осталось лежать на полях Европы обескровленным суррогатом из костей и кожи. Действия нацистов в концентрационных лагерях открывают перед узниками перспективы свыше человеческих. Безуспешно пытаясь сохранить свое персональное Я, узник находит общество вне общества, где общество, как и Я, уничтожено несмываемым позором невыносимого насилия. Надзиратель-нацист и заключенный-пленник в подобном движении вдруг оказываются сообщниками в единстве состояния апатии: «Целостный человек, утверждающийся целиком, целиком также и разрушен. Это человек, подверженный всем страстям, и он бесчувствен. <...> Теперь он может все, поскольку отрицание в нем уже со всем справилось. <...> Апатия — это дух отрицания, приложенный к человеку, который выбрал для себя быть суверенным»¹. Отрицание справилось со всем и в страдальце, прошедшем все ступени унижения, и в истязателе, снявшем (*Aufhebung*) единство собственного насилия и собственного унижения.

Пессимизм и иные его возможности давно затерялись где-то позади, на тропинке, уводящей мысль в области вполне удаленные даже от границ рациональности. Аналогично можно указать и на предполагаемый атеизм Бланшо. Концептуально Внешнее перекрывает доступ к богу спасения, открывая бездну без и вне спасения. Но Внешнее открывает предел, который возвращает мираж истока, изначальности, но изначальности очень древней, ужасно древней (*très ancient, effroyablement ancienne*), слишком старой, чтобы уместиться во времени настоящего, прошедшего и будущего. В работе «Крошечное письмо»² (*L'écriture du désastre*, 1980) Бланшо рассуждает о том, что надо избежать письма — не писать. Не писать здесь означает почти тоже самое, что и не говорить, не дышать, не умирать. Попробовать не писать — это значит попытаться не выражать не выразимое, но присутствующее каждый миг, исключить не исключаемое, но исключенное уже давно, ужасно давно. Это должно быть не желание «не писать», желание должно исчезнуть, воля должна исчезнуть, — только тогда можно стать причастным, причаститься пассивности. Такова, например, духовная практика, оформляющая эстетику через поэтику фрагментарности.

В эссе «Ницше и фрагментарное письмо» (*Nietzsche et l'écriture fragmentaire*, 1967) Бланшо замечает, что фрагменты могут противоречить друг другу, но могут объясняться через игру, вводящую случайность в формирование подлежащего. Верно истолковываемые произведения Ницше, как поэзия, предназначали забвение путей логики. Распо-

¹ Бланшо М. Сад // Маркиз де Сад и XX век. М: РИК «Культура», 1992. С. 82.

² Мы используем перевод В. Лапицкого. О трудностях перевода см.: Лапицкий В. Послесловие? // Бланшо М. Рассказ? Полное собрание малой прозы. Сост., перевод, послесловие В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2003. См. также: Морис Бланшо: опыт критики как литературный опыт (Коллоквиум «Морис Бланшо: неумолкнувший голос, РГГУ, Москва, 20 февраля 2004») // НЛО. 2004. № 66. На мероприятии разгорелся нешуточный спор между В. Лапицким, с одной стороны, и С. Зенкиным и Б. Дубинным, с другой, по поводу перевода названия сборника «Пространство литературы» (*L'espace littéraire*, 1955).

ложенные рядом, фрагменты слипаются, несмотря на интенсивное усилие их расщепить, в то время как между ними сияет строчка больше любого пробела. Фрагментарное письмо подтачивает границы текста, наглядно демонстрируя принадлежность текста беспредельному количеству строчек и белых листов. Культура не содержит как принцип некую последовательность, она также разорвана, так же как и едина. Движение в такт пробелам позволяет прикоснуться к бездне связующей, основательной и равнодушной, заботливо принявшей и легко отдавшей. Усилие без усилия в области, где усилие невозможно, не фиксируемо, не локализуемо, но «что-то происходит, что-то действительно происходит. <...> Выразить только то, что невыразимо. Оставлять его невыраженным»¹.

Что-то реально существующее сейчас рядом, всегда будет рядом, там и останется, вне зависимости от нашего принципиального отношения. Мы можем и воздействовать на это *рядом*, но тогда это будет уже *не сейчас* и для того, кто исключен из времени, вне времени, такое изменение — лишь фрагмент, поставленный рядом. Реальность складывается из пунктира, куда может в любой интервал ворваться иной контрпунктир. Наслаивающиеся друг на друга траектории образуют паутину или, скорее, туман, ориентироваться в котором легче безумию, чем свету логоса. Узник освобожден благодаря своему узничеству, общность обретается, когда Я фрагмента уничтожено. Не то чтобы фрагмент пытался обладать неким Я изначально, но все-таки его границы позволяют ему говорить о какой-либо собственной целостности. Эта целостность иллюзорна, так же как иллюзорна чужеродность и идея, как говорит один из героев романа «Всевышний» (LeTrés-Haut, 1948), романа встающего в один ряд с «Мы» Замятина и «1984» Дж. Оруэлла: «Ты уверенно чувствуешь, что страна, которую ты покидаешь, распространяется на все другие, что ее поверхность покрывает иные поверхности, которые в тысячи раз больше, так, что она сама по себе также и все остальное». И далее по иному поводу: «Ты запутался в общих идеях, и ты начинаешь чувствовать головокружение. <...> Конструкция твоего разума была прочно сформована твоими общественными обязанностями»².

Отметим, что к нейтральному, по Бланшо, можно приблизиться через письмо, чтение и обыденное. Именно обыденность с ее отсутствием рефлексивных напряжений открывает область без мысли. Достаточно просто быть, чтобы уже быть а priori задействованным в гонке относительной бессмысленности, беспробудной потребности выворачивать наизнанку то, что изнанки не имеет. Машинизированные винтики тоталитарной системы с определенного шага своего развития также благодарно принимают возможность не думать, при условии, что все заранее уже обдуманно и единственный способ существования — это думать непрерывно, но в рамках этой системы. Отчуждение, дошедшее до пределов, отстраняет бытие в шаге открытия потаенности, позволяет бытию расслабиться в собственном стоянии, прежде чем присвоить имя.

Сообщество открывается не через законы взаимного выживания и поддержки, а через смерть другого. Смерть другого показывает некую возможность смерти, фокусирует внимание на приобщенности к самодовлеющему варианту, не объединяющему, но указывающему на взаимные этические обязательства. Тематика соотношения концепций Другого Бланшо и Левинаса носит широкий исследовательский характер, здесь же

¹ Бланшо М. Ожидание забвения // Рассказ? С. 460.

² Blanchot M. The Most High. Transl. A. Stockl. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1996. P. 11l.

отметим лишь следующее. В статье «Об одном подходе к коммунизму» (*Sur une Approche du communisme*, 1953) Бланшо отмечает, что жизнь способна раздвоиться. Жизнь — это две жизни. Одна — это включенность в связи, во взаимную обусловленность, социальные стратегии, это жизнь частная (*private*), где ценности и потребности перетекают друг в друга, обещая единство и взаимопонимание всего человеческого рода в некоем будущем. Иная жизнь нам открывается, «когда кажется, что через желание, страсть, возбуждение экстремальных состояний и также через язык *человек становится невозможным другом человека, его отношение с последним — это отношение именно с невозможным*»¹. Коммуникация в таком случае остается обещанием сближения, ответственности перед другим, но эта ответственность настолько императивна, что безотчетна и разорвана, заранее забыта и отброшена в сторону как невозможное. Коммуникация сама по себе соединяет, без единства, отношение без отношения. И здесь вопрос заключается в том, как могут эти две составляющие сосуществовать в одной жизни. Ответ звучит так: не могут, а должны.

I.S. Korotkov

Philosophy of Culture by Maurice Blanchot

Maurice Blanchot, the eminent literary and cultural critic, has had a vast influence on the French philosophers — among them George Bataille, Jacques Derrida, Emmanuel Levinas. In this work are outlined some traits of the Blanchot's philosophy of culture. On the basis of the research there is an ontological notion of the Outside which forms attitude to the work of art, author and community.

---

¹ Blanchot M. On One Approach to Communism. Friendship. Transl. E. Rottenberg. Stanford (California): Stanford University Press, 1997. P. 96.